

Е. Ю. Баранов

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СССР В 1930-е гг.: ТРЕНД ДИСКУРСА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 930 (470)“1930”

ББК 63.1(2)614+60.75

В статье проанализирована современная историография демографической истории СССР в 1930-е гг., выявлены актуальные проблемы исторической демографии. Фиксируются основные дискуссии, связанные с вопросами достоверности советской статистики населения, факторов и масштабов демографического кризиса и катастрофы в начале 1930-х гг., потерь населения. Показано, что подходы к изучению демографической истории изменялись от закономерного в контексте осуждения сталинского режима в конце 1980-х — начале 1990-х гг. обращения к проблеме оценки «жертв сталинизма» и анализа демографических потрясений 1930-х гг. к реализации попыток исторических обобщений. В российской исторической демографии получила распространение теория демографического перехода, ученые выявляют признаки и направления демографической трансформации в 1930-е гг.

Ключевые слова: *историческая демография, историография, демографическая история, демографический кризис, демографическая катастрофа, демографическая модернизация, демографический переход*

Современный этап развития отечественной историографии характеризуется постоянным расширением исследовательской проблематики, поиском новых методологических подходов и попытками опереться на существующие в зарубежном обществоведении парадигмы и теоретические концепты истории. Начало этапа относится к рубежу 1980–1990-х гг., когда ученые пытались устранить «белые пятна» в истории СССР и одним из объектов их пристального внимания стала социально-демографическая сфера 1930-х гг. — периода активной социально-экономической трансформации, обусловленной форсированной индустриализацией, сплошной коллективизацией и репрессиями. Активизации исследовательского поиска способствовало расширение доступа научной общественности к ранее засекреченным документам, в том числе к обширным материалам статистики населения. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. были опубликованы первые отечественные исследования о «жертвах сталинизма» в 1930-е гг., основанные на анализе архивных документов.¹ Отече-

ственные ученые также обратились к изучению истории подготовки и проведения всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг.² Исследование ранее недоступных материалов переписи 1937 г. показало, что ее результаты отличаются достаточно высокой точностью. Фальсификация численности населения в переписи 1939 г. была признана статистически незначительной, ее данные, по мнению ученых, можно использовать с учетом поправок.³ Основные итоги обеих переписей населения были впервые опубликованы в начале 1990-х гг.⁴ Первоначально большая часть исследований демографических

¹ См.: Бугай Н. Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–143; Он же. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европей-

ской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–49; Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3–21; Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26; Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопр. истории. 1989. № 4. С. 175–181; и др.

² См.: Волков А. Г. Из истории переписи населения 1937 года // Вестн. статистики. 1990. № 8. С. 45–56; Жиромская В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 3. С. 84–104; Исулов В. А. Игра без правил: переписи населения СССР в 30-е годы // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 149–167.

³ См.: Жиромская В. Б. Возвращенные цифры (Всесоюзные переписи населения 30-х годов как исторический источник) // Россия в XX веке: Историки спорят. М., 1994. С. 385–396; Она же. Всесоюзная перепись населения 1939 г. в историографии: оценка достоверности // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 469–477.

⁴ См.: Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992.

процессов и структур в 1930-е гг. строилась на основе анализа данных всесоюзных переписей 1926, 1937, 1939 гг. Сопоставление статистических данных всеобщих переписей позволяет определить основные тенденции демографического развития СССР в 1930-е гг., проследить количественные и качественные изменения населения.

В историко-демографических работах конца 1980–1990-х гг., как общероссийского, так и регионального уровня, большое внимание уделялось проблеме кризисов демографической сферы, их социальной обусловленности и последствий, а также вопросу достоверности советской статистики, который непосредственно связан с задачей оценки демографических последствий различных социальных катаклизмов. Оценки потерь населения, его недоучета, коррективы, сделанные демографами и историками в этот период, сегодня принимаются в качестве стартовых исследовательских позиций. Так, Е. М. Андреевым, Л. Е. Дарским, Т. Л. Харьковой была предпринята попытка восстановить на основе специальных моделей динамику численности населения СССР, России, а также показатели демографического воспроизводства и миграционного движения населения, рассчитать людские потери в результате социальных катастроф (голода, войны).⁵ При этом исследователи доказывали «нереальность» оценок Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР, говорили о недоучете населения, о случайных искажениях и намеренной фальсификации статистики в 1930-е гг. Поэтому они проводили коррекцию демографических данных. Общие демографические потери СССР за период с 1927 по 1941 гг. были оценены демографами в 13,5 млн чел., а людские потери составили около 7 млн. Кроме смертей непосредственно от голода 1933 г. и расстрелов в 1930-х гг., к потерям они отнесли сокращение продолжительности жизни людей в связи с ухудшением условий в целом. Поэтому, говоря о потерях, следует учитывать не только повышение уровня смертности в годы голода и репрессий, но и воздействие этих факторов на последующую жизнь поколений.⁶ Суждения и оценки этой группы демографов и сегодня являются авторитетными в

исторической демографии: к результатам их исследований апеллируют многие отечественные и зарубежные специалисты, признавая их точку зрения или дискутируя с ней.

На современном этапе развития историографии демографы и историки доказали, что в первой половине XX в. население России, СССР постигло три демографических потрясения. Первый «демографический удар» был связан с последствиями Первой мировой и Гражданской войны и с голодом 1921–1922 гг., второй — поразил население в условиях сплошной коллективизации, раскулачивания и голода начала 1930-х гг., а третий — был обусловлен событиями Великой Отечественной войны, ее последствиями и послевоенным голодом. Высокий уровень смертности позволил ряду ученых говорить о том, что произошли демографические катастрофы. До сегодняшнего дня продолжается полемика по вопросам факторов и масштабов этих социальных бедствий. В рамках этой научной полемики широко дебатировалась, в частности, тема голода 1932–1933 гг.⁷, который вместе с сопутствовавшими ему эпидемиями стал основной причиной демографической катастрофы.

В статье известного историка-аграрника В. П. Данилова, опубликованной в 1988 г., указывается на два основных вопроса темы голода 1932–1933 гг. в СССР, обсуждаемых в западной прессе. Это вопросы причин и последствий голода, которые и сегодня остаются ключевыми в исследовании данной научной проблемы. Р. Конквест в 1986 г. писал о гибели от голода в СССР в 1932–1933 гг. 7 млн чел., из них 5 млн — на Украине, 1 млн — на Северном Кавказе и 1 млн — в остальных регионах. Голод, по мнению Р. Конквеста, представлял собой проявление геноцида украинского народа, был частью «организованного террора» против него. В тот период оппонентами позиции Р. Конквеста выступили Р. Дэвис и С. Уиткрофт. Р. Дэвис, в частности, указал на бездоказательность его вычислений. Историк-экономист С. Уиткрофт оценил потери населения вследствие голода 1932–1933 гг. в пределах от 3 до 4 млн чел. Американские демографы Б. Андерсон и Б. Сильвер произвели подсчет жертв голода

⁵ См.: Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковова Т. Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998; Они же. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993.

⁶ См.: Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковова Т. Л. Население Советского Союза... С. 60, 61.

⁷ Историография голода наиболее полно представлена в работах В. В. Кондрашина. См.: Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 10–35; Он же. Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М., 2011. С. 8–56.

без учета детей, родившихся после 1926 г., — их оценка избыточной смертности была ограничена пределами от 2 до 3 млн чел.⁸

Вопросы о причинах и последствиях голода интересовали не только историков и демографов, но и мировую общественность. В конце 1980-х гг. была создана международная комиссия по расследованию обстоятельств голода 1932–1933 гг. на Украине. В 1990 г. в Торонто она представила свой итоговый отчет. Комиссия констатировала, что в разных источниках содержатся различные оценки жертв голода на Украине (5, 6, 7,5, 10, 16 млн чел.). По мнению членов комиссии, общее число жертв голода в СССР составляло, как минимум, 7,5 млн чел., из них не менее 1,5 млн чел. погибли на Украине, 3 млн чел. — за ее пределами, причем 1 млн чел. — в Казахстане и на Северном Кавказе. Большинство членов комиссии выразило неуверенность по поводу того, что голод был искусственно организован и имел своей целью уничтожение украинской нации.⁹ В настоящее время российские историки убедительно доказали, что голод не был проявлением геноцида украинцев, так как он поразил не только Украину (где проживали и русские, и представители других национальностей), но и другие регионы СССР.

Главная проблема исследований советологов, опубликовавших свои оценки жертв голода за рубежом еще в период существования СССР, заключалась в слабости источниковой базы, состоявшей в основном из воспоминаний эмигрантов и отрывочных документальных свидетельств. Сегодня же в распоряжении исследователей имеются обширные комплексы архивных документов. При изучении демографических последствий голода в стране в целом и в отдельных ее регионах историки пытаются дать количественную оценку жертв голода, проследить влияние голода и сопутствовавших ему эпидемий на воспроизводство населения, его миграционное движение.¹⁰

⁸ См.: Данилов В. П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х годов в СССР // Вопр. истории. 1988. № 3. С. 116–121.

⁹ См.: Итоговый отчет международной комиссии по расследованию голода 1932–1933 гг. на Украине // Голод 1932–1933 годов. М., 1995. С. 7–8.

¹⁰ См.: Аблажей Н. Н. Эмиграционные последствия голода начала 1930-х гг. для Казахстана // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы междунар. науч. конф. М., 2011. С. 198–205; Баранов Е. Ю. Население и общественные трансформации в СССР: демографические кризисы в условиях «социалистических» преобразований 1930-х гг. (на материалах Урала) // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 1. Проблемы науки, образования и культуры. 2012. № 3 (104). С. 219–227; Бурматов А. А. Демографические потери от голода начала

Историк-демограф В. Б. Жиромская¹¹ считает, что на сегодняшний день учеными выявлена «достаточно полная география» голода 1932–1933 гг., который охватил основные зерновые районы СССР: Украину, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, значительную часть Центрально-Черноземной области, Казахстан, Западную Сибирь, Южный Урал. Историк указывает, что общие потери населения от голода 1932–1933 гг. в СССР, включая сверхсмертность, дефицит рождаемости, безвозвратную миграцию за пределы страны, насчитывали более 7 млн чел. При этом оценки потерь не могут быть абсолютно точными, пишет В. Б. Жиромская, так как учет в этот период был неполным и не все смерти были зарегистрированы (прежде всего это касалось недоучета беженцев из «голодных районов»). В то же время она приводит уже устоявшиеся в историографии оценки людских потерь, которые на Украине составили 3–3,5 млн чел. (С. В. Кульчицкий, Н. А. Ивницкий), в Казахстане — около 2 млн чел. (Ж. Б. Абылхожин, М. К. Козыбаев, М. Б. Татимов; А. Н. Алексеев; Ш. Батырбаева), в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) — не менее 2–2,5 млн чел. (Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова; В. Б. Жиромская). Историк говорит о том, что в 1933 г. в СССР показатели прироста населения имели отрицательное значение, что являлось результатом значительного роста смертности и резкого снижения рождаемости и фиксировалось как в сельской, так и в городской местности. По ее подсчетам, показатели смертности в этом году «поднялись до 60, а в некоторых районах превысили 70 ‰».¹² В. Б. Жиромская справедливо считает, что последствия голода прослеживаются по данным всесоюзной переписи 1937 г.: убыль населения выявляется в пострадавших от голода районах, которые не успели «восстановить численность потерянного населения».¹³

По мнению ведущего отечественного специалиста по голоду начала 1930-х гг. В. В. Кондрашина, голод стал следствием «индустриальной

1930-х гг. в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 26–30; Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. М., 2001. Т. 3. С. 866–887; и др.

¹¹ См.: Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

¹² Там же. С. 78.

¹³ Жиромская В. Б. Голод 1932–1933 гг.: Людские потери // Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. М., 2013. Т. 3. С. 652.

модернизации» страны и связанных с обеспечением ее реализации политических решений в отношении деревни (коллективизация, политика заготовок и др.).¹⁴ В предисловии к третьему тому подготовленного под его руководством фундаментального документального издания «Голод в СССР. 1929–1934» историк констатирует наличие в историографии различных оценок числа жертв голода 1932–1933 гг., варьирующих в пределах от 3 млн до 10 млн чел., и приводит расчеты демографических потерь вследствие голода, произведенные С. Уиткрофтом, которые он считает наиболее точными и реально отражающими масштабы и региональные особенности социального бедствия. При этом историк, ссылаясь на С. Уиткрофта, пишет об убедительности данных ЦУНХУ за этот период о регистрируемом в РСФСР, УССР и БССР населении. Так, сверхсмертность от голода на территории СССР, охваченной учетом ЦУНХУ (территория Украины, Северного Кавказа, Поволжья, ЦЧО, Урала, Сибири и др.), в 1933 г., по сравнению с предшествующим периодом (нормальным уровнем), составила 3,5 млн чел. Этот показатель в не охваченных учетом ЦУНХУ районах СССР (Казахстан, Средняя Азия, Дальний Восток и др.) находился в пределах 1,5 млн чел. Жертвами голода стали такие категории населения, как спецпоселенцы, заключенные ГУЛАГа и т. д., потери среди них оценены примерно в 600 тыс. чел. В целом, от голода в СССР в 1933 г. могло умереть 5,6 млн чел. (избыточная смертность, прямые жертвы голода). Дефицит рождаемости в этом году в стране был примерно 3 млн чел. (косвенные жертвы голода). В результате общие демографические потери СССР составили не менее 8 млн чел.¹⁵

В сборник также включен достаточно большой раздел, содержащий исследование С. Уиткрофта о показателях демографического кризиса в период голода, в котором он, базируясь на тщательном анализе источников, верифицирует оценки потерь населения, имеющиеся в литературе, и предлагает свои варианты их расчетов.¹⁶ С. Уиткрофт доказывает, что, вопреки мнению Е. М. Андреева,

Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковской, существует возможность использования «нескорректированных» статистических данных о смертности и рождаемости. Он пишет, что данные по регистрируемому населению СССР выглядят «полными и правдоподобными». ¹⁷ Следует отметить, что дискуссия вокруг вопроса надежности данных советской статистики населения продолжается.

Сегодня российские историки, в целом, сошлись во мнении о том, что голод стал следствием государственной аграрной политики, не принимающей во внимание интересы деревни и крестьянства; продолжаются исследования голода в региональном измерении; тема демографических последствий голода начала 1930-х гг. активно дискутируется в научном и медийном пространстве. В историографии также есть исследования, авторы которых стремятся показать всю серию кризисов демографической сферы в первой половине XX столетия. Историк-демограф В. А. Исупов при характеристике кризисных явлений в демографической сфере России использует термины «демографический кризис» и «демографическая катастрофа». По его мнению, демографический кризис обуславливается падением рождаемости, вследствие чего может происходить значительное сокращение естественного прироста населения вплоть до отрицательных величин, при этом уровень смертности может не повышаться или повышаться незначительно, часто наблюдается замедление темпов прироста, нулевой прирост или медленное сокращение численности населения; кризис может быть растянут во времени. Демографическая же катастрофа характеризуется «отчетливо выраженными депопуляционными процессами» за счет резкого роста смертности; это «мощное, но кратковременное событие», неотъемлемой чертой которого «является резкое падение численности населения». ¹⁸ Несмотря на то что многие авторы писали о демографическом кризисе и демографической катастрофе в начале 1930-х гг., только В. А. Исупов, на наш взгляд, смог дать наиболее стройное теоретическое обоснование этим терминам и на этой основе достаточно подробно рассмотреть данные явления.

¹⁴ См.: Кондрашин В. В. Механизм возникновения голода в СССР в начале 1930-х гг. // История сталинизма: крестьянство и власть... С. 33, 34.

¹⁵ См.: Голод в СССР. 1929–1934... С. 43, 47.

¹⁶ См.: Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934... С. 719–771.

¹⁷ Там же. С. 766.

¹⁸ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 9, 10.

Вопрос о демографических последствиях голода в СССР историк рассмотрел на основе источников и наработок, имеющих в отечественной историографии. Проанализировав «Конъюнктурный обзор движения населения СССР за 1930–1934 гг.», подготовленный в декабре 1934 г. группой статистиков ЦУНХУ СССР, показавший естественную убыль населения СССР в 1933 г. в размере 1,7 млн чел. и сокращение числа родившихся в 1931–1933 гг. в 1,5 раза при увеличении числа умерших в 1,8 раза, ученый делает вывод о том, что статистические данные о воспроизводстве населения, использовавшиеся советскими статистиками, не отражали реальную ситуацию (в частности, были занижены данные о сверхсмертности). В. А. Исупов критически отнесся к попытке проанализировать показатели воспроизводства населения в «период демографической катастрофы 1933 г.», предпринятой Е. А. Осокиной в начале 1990-х гг. Она, осознавая неточность статистической информации в 1930-х гг., не внесла необходимых поправок, и окончательный ответ на вопрос о количестве жертв голода ею не был получен, считает ученый. По материалам ЦУНХУ, изученным Е. А. Осокиной, естественная убыль населения в 1933 г., проявившаяся на Украине, в Северном, Средне-Волжском, Нижне-Волжском, Северно-Кавказском краях, в Уральской и Центрально-Черноземной областях, составила, в целом, 1,6 млн чел., а по доисчисленным статистиками тех лет данным — 1,3 млн чел. В. А. Исупов полагает, что демографическая ситуация была более напряженной и депопуляция охватила большую часть территории страны, а наиболее обоснованные коррективы в статистические данные о воспроизводстве населения были внесены демографами Е. М. Андреевым, Л. Е. Дарским, Т. Л. Харьковской. По их данным, естественная убыль населения в СССР в 1933 г. составила 5 905 тыс. чел. (36,9 ‰), средняя продолжительность жизни понизилась до 11,6 лет, а смертность достигла, как пишет В. А. Исупов, «апокалиптической отметки» в 72 ‰, тем самым были превышены показатели смертности периода революции и Гражданской войны. Ученый предполагает, что «если принять количество умерших в 1932 г. за некоторую условную “норму”, то демографическая катастрофа и порожденная ею сверхсмертность в 1933 г. унесли жизни почти 7 млн чел.»¹⁹

В. А. Исупов показал, что голод и сопутствовавшие ему эпидемии обусловили демографическую катастрофу в 1933 г., характеризуемую вымиранием населения, а «охвостье» этой катастрофы в виде сокращения рождаемости наблюдалось и в 1934 г.

Период 1935–1938 гг. характеризуется исследователем как «сталинский “демографический ренессанс”», который был обеспечен эффектом от запрета аборт в 1936 г. и относительным улучшением медико-санитарного обслуживания населения при сохранении низкого уровня жизни (пассивное направление борьбы со смертностью, по В. А. Исупову). Однако во второй половине 1930-х гг. им отмечаются локальные демографические катастрофы, коснувшиеся прежде всего территорий проживания малочисленных народов Севера, а в предвоенный период (1939 — первая половина 1941 гг.) — наступление кризиса, вызванного военными конфликтами, падением рождаемости в связи с ростом числа нелегальных абортов, снижением брачности и ростом смертности.²⁰

Рассмотрев тенденции демографического развития России в XX в., П. М. Полян пришел к выводу о том, что ее население за столетие могло бы утроиться, а не удвоиться, как это произошло в реальности, если бы в первой половине века не было трех демографических катастроф. При этом под демографическими катастрофами он понимает «периоды, когда резко сокращается рождаемость и повышается смертность (в том числе детская), и естественное движение населения, по крайней мере, на несколько лет подряд приобретает отрицательный знак».²¹ По данным П. М. Поляна, потери населения России в период второй демографической катастрофы (1930–1936 гг.), обусловленной коллективизацией и раскулачиванием, составили 5 млн чел., или 5 % предкризисной численности населения (условная оценка для современной территории РФ). Если же учитывать косвенные потери, то при допущении, что темпы прироста населения сохранялись бы на уровне, который предшествовал второй демографической катастрофе, потери для этого периода составили бы 6,5 млн чел.²²

²⁰ Там же. С. 100–139, 236.

²¹ Полян П. М. Двадцатое столетие: путем демографических катастроф // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 37, 38.

²² Там же. С. 39.

¹⁹ Там же. С. 89–93.

Итак, вопросы факторов, территориальных и временных границ демографических потрясений, оценка их масштабов продолжают занимать умы ученых. Но современный этап историографии темы характеризуется еще и тем, что отечественными историками и демографами предпринимаются попытки обобщения демографической истории страны. Самым существенным результатом в этой области стало трехтомное издание «Население России в XX веке», в первом томе которого прослежены изменения в численности населения, демографических процессах и структурах в 1930-е гг. По мнению авторов книги, «кризисная демографическая ситуация в первой половине 30-х годов надолго затормозила и деформировала естественный процесс демографического перехода к новому типу воспроизводства населения, развивавшемуся тогда в странах индустриального мира».²³ Таким образом, демографические процессы в России были сопоставлены с мировой историей народонаселения, с закономерностями мирового демографического развития.

Размышления отечественных ученых о закономерностях демографического развития обусловили появление в потоке идеографических работ исследований номотетического характера. В российской историко-демографической литературе в качестве парадигмы демографического развития получила распространение теория демографического перехода,²⁴ которая была заимствована отечественной обществоведческой наукой еще в 1970-е гг. В этот период А. Г. Вишневский предложил для объяснения изменений в демографическом поведении использовать теорию демографической революции (перехода),²⁵ появившуюся в зарубежной литературе в 1930–1940-е гг. В своих последних работах при характеристике трансформаций в демографической сфере России в XX в. А. Г. Вишневский использует термин «демографическая модернизация», содержание которой составляет комплекс перемен в матримониальном, прокреативном, сексуальном, семейном, жизнеохранительном, мигра-

ционном поведении людей. Демографическую модернизацию России, по мнению ученого, следует рассматривать, с одной стороны, «в контексте общей модернизации страны, за исторически короткое время превратившейся из аграрной, крестьянской, сельской, малограмотной в промышленную, городскую и высокообразованную»; — с другой — как часть всемирной демографической модернизации, глобального демографического перехода.²⁶

Авторы коллективной монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000», подготовленной под руководством А. Г. Вишневского, считают, что Россия в XX в. не смогла накопить «демографический запас» роста населения, упустила такую возможность, открывавшуюся вследствие асинхронной динамики рождаемости и смертности в период демографического перехода. Главной причиной этого стали «огромные» демографические потери, обусловленные экзогенными обстоятельствами. Наибольший демографический урон стране нанесли социальные потрясения первой половины XX столетия — войны, голод, эпидемии, политические репрессии. Периоды демографических катастроф 1927–1939, 1940–1945, 1946–1953 гг., несмотря на различия в факторах и характере их действия, авторами книги рассматриваются единым блоком вследствие того, что ряд факторов действовал непрерывно. Оценивая демографические потери, они условно предполагают, что к концу XX в. численность населения России могла бы быть почти на 113 млн чел. больше, чем в действительности, если бы стране удалось избежать демографических катастроф в первой половине столетия.²⁷

В. Б. Жиромская полагает, что в России вследствие экзогенных социальных причин первая фаза демографического перехода, связанная с понижением смертности, оказалась затянутой: низкие показатели смертности не могли установиться и стабилизироваться в течение длительного периода. Сверхсмертность в СССР в мирные годы (конец 1920-х — вторая половина 1930-х гг.) составила около 11 млн чел., в том числе в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) — более 4 млн чел. В. Б. Жиромская делает выводы о господстве в советском обществе в 1930-е гг. традиционного отношения к семье и о довольно медленном

²³ Население России в XX веке: в 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 392.

²⁴ «Демографический переход» — термин, применяемый в демографии для обозначения смены типов воспроизводства населения; перехода от традиционного типа воспроизводства, для которого характерны высокие уровни рождаемости и смертности, к современному типу, при котором низкий уровень смертности сочетается с низким уровнем рождаемости.

²⁵ См.: Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976.

²⁶ См.: Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 9.

²⁷ Там же. С. 399, 400, 446.

и постепенном процессе нуклеаризации семьи. Следует отметить, что историк выявляет тенденцию снижения относительных показателей рождаемости на территории России, в том числе и в сельской местности. В деревне во второй половине 1920-х гг. суммарный коэффициент рождаемости (один из ведущих измерителей демографического поведения) составлял 5,4 рождений на одну женщину, а во второй половине 1930-х гг. — 4,4.²⁸ Это свидетельствует о демографической трансформации в стране.

Теория демографического перехода легла в основу коллективного труда по истории населения Урала в XX в., в котором анализируются проблемы динамики населения и миграций в стабильных и кризисных социально-экономических условиях.²⁹ Авторы считают, что в конце 1920-х — начале 1930-х гг. начался второй этап демографического перехода в регионе, характеризующийся снижением смертности и рождаемости, однако политические и экономические факторы нарушили плавный ход этого процесса. По оценкам специалистов, в Предуралье и на юге Урала общий уровень смертности в 1932–1933 гг. повысился в 2,1–3,0 раза, в результате чего не менее чем на половине территорий региона произошел «депуляционный провал».³⁰

Актуальность исследований региональных аспектов темы демографического перехода подтверждается работами В. А. Исупова, который говорит о необходимости изучения этого процесса в Сибири.³¹ Указывая на прерывистый характер демографического перехода в России, историк пишет о четырех «попытках» перехода к современному (рациональному) типу воспроизводства населения в Западной Сибири, три из которых оказались безрезультатными, что значительно задержало демографическую модернизацию. При этом стартовую позицию демографического перехода В. А. Исупов соотносит не столько с исходной точкой сокращения смертности населения, сколько с начальным этапом перестройки структуры ее причин, когда преобладание экзогенных причин смертности (инфекций,

болезней органов дыхания, желудочно-кишечных болезней) сменяется доминированием эндогенных и квазиэндогенных факторов (сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний соответственно). Одна из попыток демографического перехода была прервана кризисом и регрессивными тенденциями в демографической динамике, обусловленными форсированной индустриализацией, насильственной коллективизацией и их последствиями. Несмотря на то что в структуре причин смертности в Западной Сибири в 1930-е гг. доминировали экзогенные факторы, историк оценивает конец десятилетия как очередной период накопления предпосылок демографического перехода, реализация которого была прервана началом Великой Отечественной войны.³² Своеобразным тормозом демографической модернизации, по мнению В. А. Исупова, выступала государственная политика в социально-демографической сфере. В условиях, когда связанные с урбанизацией кардинальные изменения образа жизни вели к снижению числа детей в семье, эффект повышения рождаемости вследствие запрета абортов (по закону 1936 г.) носил ситуативный, краткосрочный характер. Женщины быстро «приспособились» к этому закону, и в СССР разразилась «эпидемия» нелегальных прерываний беременности. В. А. Исупов справедливо отмечает, что, «с одной стороны, столь широкое распространение абортов стало важным признаком втягивания населения страны, в том числе и западносибирской провинции, в процесс установления контроля над рождаемостью», а с другой стороны, этот инструмент был грубым и неэффективным.³³ В целом, можно сказать, что теория демографического перехода набирает силу в отечественной историко-демографической науке. Сегодня все большее число российских историков рассматривает эту теорию в качестве действенного инструмента исторической интерпретации демографического развития страны и ее регионов.

В последнее время появились историко-демографические исследования городской и сельской семьи в России, реализованные на

²⁸ См.: Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития... С. 15, 16, 22, 123.

²⁹ См.: Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996.

³⁰ Там же. С. 12, 13, 123.

³¹ См.: Исупов В. А. Историческая демография в Сибири: проблемы историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 6.

³² Он же. К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 12–16.

³³ Исупов В. А. Западная Сибирь в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 39, 40.

основе парадигмы демографического перехода, предполагающей осуществление перехода от патриархальной многодетной семьи к семье нуклеарной малодетной. По мнению О. М. Вербицкой, на рубеже 1920–1930-х гг. наступил новый этап трансформации российской сельской семьи, начавшийся с политики коллективизации и раскулачивания и условно датируемый 1929–1959 гг. На этом этапе процесс обновления семейно-брачных отношений жителей села заметно ускорился, и сельская семья вступила на путь постепенного перехода «от патриархальности к современности». Важнейшим фактором перемен стало «углубление урбанизационных процессов», вследствие чего усилилась миграционная активность жителей села, покидавших деревню. Однако в этих условиях сельская семья продолжала справляться с осуществлением репродуктивной функции, и до конца 1950-х гг. она обеспечивала простое, а в ряде районов и расширенное, воспроизводство населения, устойчивое возобновление поколений.³⁴

Н. А. Араловец считает, что для брачно-семейных отношений горожан в конце 1920-х–1930-е гг. было характерно и ранее наблюдавшееся явление увеличения экономической и морально-психологической самостоятельности женщин, а урбанизация и атеистические настроения в обществе способствовали трансформации «традиционного сознания населения». Тем не менее, несмотря на относительное снижение ценностей брака и семьи, большая часть мужчин и женщин состояли в браке и имели семьи, причем в 1930-е гг. «нравственными» признавались только те брачные союзы, которые были оформлены в ЗАГСах. В этот период в городах РСФСР преобладали малочисленные семьи (3–4 чел.), также были зафиксированы неполные семьи из 2 чел. Величина городской семьи сокращалась в значительной степени в связи с уменьшением в ней числа детей, что было обусловлено изменениями в репродуктивном поведении населения, «последствием которых было дальнейшее распространение внутрисемейного регулирования рождаемости».³⁵ Исследования Н. А. Араловца и О. М. Вербицкой свидетельствуют о трансформации института семьи в 1930-е гг.

Историографический обзор исследований по истории населения в 1930-е гг. был бы неполным, если бы не была обозначена тема принудительных миграций (насильственных перемещений, депортаций) и их последствий для населения, получившая развитие в исследованиях по истории спецпоселенчества. Историк В. Н. Земсков, охарактеризовавший масштабы принудительных миграций, показал, что в 1930-е гг. раскулаченные крестьяне составляли подавляющее большинство спецпереселенцев, через «кулацкую ссылку» прошли около 2,5 млн чел.³⁶ П. М. Полян считает, что пик депортаций в 1930-е гг. пришелся на начало десятилетия (1930–1931 гг.), когда СССР находился в состоянии «необъявленной гражданской войны с собственным крестьянством». Число депортированных в 1930–1931 гг. составило 2 050 тыс. чел., в 1932–1934 гг. — 535 тыс., в 1935–1938 гг. — 260 тыс., в 1939–1941 гг. — 395 тыс. чел.³⁷ Тема принудительных миграций получила свое развитие на региональном уровне исторических исследований в рамках изучения «кулацкой ссылки», роли спецпереселенцев в формировании населения различных регионов страны.³⁸

В постсоветском научном пространстве исследования принудительных миграций первоначально несколько нивелировали изучение миграционного движения в целом. Однако в настоящее время история миграций изучается учеными, с одной стороны, с точки зрения выявления основных направлений миграционных потоков, анализа факторов, форм и объемов миграций, состава мигрантов, при этом также решаются задачи периодизации истории миграций, определения их роли в демографической трансформации;³⁹ с другой — в контексте процесса урбанизации, как фактор этого процесса,⁴⁰ действие которого в связи с

³⁶ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 281.

³⁷ Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 239.

³⁸ См.: Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009; Красильников С. А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003; Михалев Н. А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург, 2010; и др.

³⁹ См.: Корнилов Г. Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Урал. ист. вестн. 2012. № 2 (35). С. 48–57; Павлова О. В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

⁴⁰ См.: Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург, 2012; Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003.

³⁴ Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула, 2009. С. 14, 270, 273.

³⁵ Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009. С. 241–244.

проведением форсированной индустриализации усилилось в стране в 1930-е гг.

В настоящей статье не ставилась задача полного отражения всей историографии демографической истории 1930-х гг., а была предпринята попытка выявить основные исследовательские подходы к изучению истории населения в этот период, актуальные направления исторической демографии. Исследование показало, что подходы к изучению демографической истории изменялись от закономерного в контексте осуждения сталинского режима в конце 1980-х — начале 1990-х гг. обращения к проблеме оценки «жертв сталинизма» и ана-

лиза демографических потрясений 1930-х гг. к реализации попыток исторических обобщений, к выявлению закономерностей демографического развития на основе теории демографического перехода. Ученые выявляют признаки и направления демографической трансформации в 1930-е гг. В конечном счете, изучение истории населения должно помочь более точно определить, какой демографический урон нанесли социальные пертурбации динамике населения страны и регионов в 1930-е гг. и в XX в. в целом, выявить стадии и особенности демографической трансформации.

Evgeny Yu. Baranov

Candidate of Historical Science, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: eubaranov@yandex.ru

MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE DEMOGRAPHIC HISTORY OF THE USSR IN THE 1930S: TREND OF DISCOURSE AND TOPICAL PROBLEMS

The article presents an analysis of modern historiography of the demographic history of the USSR in the 1930s focusing on important issues of historical demography. The authors made references to the key discussions around the issues of credibility of the Soviet population statistics, the factors and the scale of the demographic crisis and the early 1930s catastrophic situation and population losses. It was demonstrated that approaches to the study of demographic history changed from the logical in the context of condemnation of the Stalinist regime of the late 1980s — early 1990s focus on assessment of the “Stalinist victims” and the analysis of the demographic shock of the 1930s to implementation of attempts at wider historical generalizations. A commonly accepted approach in the Russian historical demography is the theory of demographic transition. The researchers identify the signs and directions of the demographic transformation during the 1930s.

Key words: *historical demography, historiography, demographic history, demographic crisis, a demographic catastrophe, demographic modernization, demographic transition*

REFERENCES

- Ablazhey N. N. *Istoriya stalinizma: krestyanstvo i vlast* [History of Stalinism: the peasantry and power] *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Proceedings of the international scientific conference]. Moscow: ROSSPEN; Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. Eltsina” Publ., 2011, pp. 198–205. (in Russ.).
- Andreev E. M., Darskiy L. E., Kharkova T. L. *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959* [Demographic history of Russia: 1927–1959]. Moscow: Informatika Publ., 1998, 187 p. (in Russ.).
- Andreev E. M., Darskiy L. E., Kharkova T. L. *Naselenie Sovetskogo Soyuza: 1922–1991* [The population of the Soviet Union: 1922–1991]. Moscow: Nauka Publ., 1993, 142 p. (in Russ.).
- Aralovets N. A. *Gorodskaya semya v Rossii, 1927–1959 gg.* [Urban family in Russia, 1927–1959]. Tula: Grif i K Publ., 2009, 304 p. (in Russ.).
- Baranov E. Yu. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta* (Proceedings of the Ural Federal University), 2012, Series 1, № 3 (104), pp. 219–227. (in Russ.).
- Bugay N. F. *Istoriya SSSR* (History of the USSR), 1989, № 6, pp. 135–143. (in Russ.).
- Bugay N. F. *Otechestvennaya istoriya* (National History), 1992, № 4, pp. 37–49. (in Russ.).
- Burmatov A. A. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* (Humanitarian sciences in Siberia), 2012, № 4, pp. 26–30. (in Russ.).
- Danilov V. P. *Voprosy istorii* (Questions of History), 1988, № 3, pp. 116–121. (in Russ.).
- Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization in Russia, 1900–2000]. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ., 2006, 608 p. (in Russ.).
- Golod v SSSR. 1929–1934* [Famine in the USSR. 1929–1934]. Moscow: MFD Publ., 2013, Vol. 3, 960 p. (in Russ.).
- Ignatova N. M. *Spetspereselentsy v Respublike Komi v 1930–1950-e gg.* [Special settlers in the Komi Republic in the 1930–1950]. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr UrO RAN Publ., 2009, 192 p. (in Russ.).

- Isupov V. A. *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century: historical demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2000, 244 p. (in Russ.).
- Isupov V. A. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* (Humanitarian sciences in Siberia), 2010, № 1, pp. 12–16; 2012, № 4, pp. 3–8, 2013, pp. 36–42. (in Russ.).
- Isupov V. A. *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki* [The Soviet history: issues and lessons]. Novosibirsk: Nauka SO RAN Publ., 1992, pp. 149–167. (in Russ.).
- Kondrashin V. V. *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiysskoy derevni* [Famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian village]. Moscow: ROSSPEN; Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. Eltsina” Publ., 2008, 519 p. (in Russ.).
- Kondrashin V. V. *Istoriya stalinizma: krestyanstvo i vlast* [History of Stalinism: the peasantry and power] *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Proceedings of the international conference]. Moscow, 2011, pp. 33–44. (in Russ.).
- Kondrashin V. V. *Sovremennaya rossiyssko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v SSSR* [Modern Russian-Ukrainian historiography of the 1932–1933 famine in the USSR]. Moscow: ROSSPEN; Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. Eltsina” Publ., 2011, pp. 8–56. (in Russ.).
- Kornilov G. Ye. *Ural’skii istoricheskii vestnik* (Ural Historical Journal), 2012, № 2 (35), pp. 48–57. (in Russ.).
- Krasilnikov S. A. *Serp i Molokh. Krestyanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [Hammer and Moloch. Peasant link in Western Siberia in 1930]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003, 288 p. (in Russ.).
- Mazur L. N. *Rossiysskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regionalnoe izmerenie (vtoraya polovina XIX–XX v.)* [Russian village in terms of urbanization: regional dimension (second half of XIX–XX centuries)]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2012, 472 p. (in Russ.).
- Mikhalev N. A. *Naselenie Yamala v pervoy polovine XX veka (Istoriko-demograficheskiy analiz)* [Yamal population in the first half of the XX century (Historical and demographic analysis)]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2010, 196 p. (in Russ.).
- Naselenie Rossii v XX veke* [The population of Russia in the XX century]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000, Vol. 1, 463 p. (in Russ.).
- Naselenie Urala. XX vek. Istoriya demograficheskogo razvitiya* [Population in the Urals. XX century. History demographic development]. Ekaterinburg: Ekaterinburg Publ., 1996, 212 p. (in Russ.).
- Osokina E. A. *Istoriya SSSR* (History of the USSR), 1991, № 5, pp. 18–26. (in Russ.).
- Polyan P. M. *Gorod i derevnya v Yevropeyskoy Rossii: sto let peremen* [Town and village in European Russia: one hundred years of change]. Moscow: OGI Publ., 2001, pp. 33–62. (in Russ.).
- Polyan P. M. *Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditelnykh migratsiy v SSSR* [Not on their own... The history and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: OGI — Memorial Publ., 2001, 328 p. (in Russ.).
- Senyavskiy A. S. *Urbanizatsiya Rossii v XX veke: rol v istoricheskom protsesse* [Urbanization in Russia XX century: the role of the historical process]. Moscow: Nauka Publ., 2003, 286 p. (in Russ.).
- Tsaplin V. V. *Voprosy istorii* (Questions of History), 1989, № 4, pp. 175–181. (in Russ.).
- Verbitskaya O. M. *Rossiysskaya selskaya semya v 1897–1959 gg. (istoriko-demograficheskiy aspekt)* [Russian rural family in 1897–1959 (historical and demographic aspect)]. Moscow; Tula: Grif i K Publ., 2009, 296 p. (in Russ.).
- Vishnevskiy A. G. *Demograficheskaya revolyutsiya* [Demographic revolution]. Moscow: Statistika Publ., 1976, 240 p. (in Russ.).
- Volkov A. G. *Vestnik statistiki* (Bulletin of statistics), 1990, № 8, pp. 45–56. (in Russ.).
- Wheatcroft S. G. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet countryside. Collectivization and cannibalization. 1927–1939: documents and materials]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, Vol. 3, pp. 866–887. (in Russ.).
- Zemskov V. N. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Studies), 1991, № 10, pp. 3–21. (in Russ.).
- Zemskov V. N. *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka Publ., 2005, 306 p. (in Russ.).
- Zhiromskaya V. B. *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe* [Demographic history of Russia in the 1930s. Looking into the unknown]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, 280 p. (in Russ.).
- Zhiromskaya V. B. *Istoriya SSSR* (History of the USSR), 1990, № 3, pp. 84–104. (in Russ.).
- Zhiromskaya V. B. *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Major trends of demographic development of Russia in the XX century]. Moscow: Kuchkovo pole; Soyuz semeiy voennosluzhashchikh Rossii Publ., 2012, 320 p. (in Russ.).
- Zhiromskaya V. B. *Rossiya v XX veke: Istoriki sporyat* [Russia in the XX century: historians argue]. Moscow: Nauka Publ., 1994, pp. 385–396. (in Russ.).
- Zhiromskaya V. B. *Rossiya v XX veke: Sudby istoricheskoy nauki* [Russia in the XX century: Fate of historical science]. Moscow: Nauka Publ., 1996, pp. 469–477. (in Russ.).